

Андрей Белянин

Трилогия

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Диалогия

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»
«МОЦАРТ»

Диалогия

«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»
«КАЗАК В РАЮ»
«КАЗАК В АДУ»

Трилогия

«ААРГХ»
«ААРГХ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)

«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)

«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Трилогия

«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)

«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Андрей Белянин

ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ

Роман

Москва, 2012
The logo features a stylized 'С' symbol on the left, followed by the word 'САРМАЛА' in a bold, outlined font. Below it is an ampersand '&' and the text 'Издательство А.Г.Ф.А.-КНИГА' in a smaller font.
&
«Издательство А.Г.Ф.А.-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.
Б43 **Жениться и обезвредить: Фантастический роман/ Послесл. И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 346 с.: ил.**

ISBN 978-5-9922-0420-9

А ведь как хорошо всё начиналось... Золотая осень, тепленько, пора свадеб, моя невеста Олёнушка спешит в Лукошкино, я её честно жду, отец Кондрат уже назначает день нашего венчания и... Абзац! Всему! Горох рехнулся (по полной программе!), царица от него уходит, меня (участкового!) сажают в тюрьму, Яга устраивает скандал за скандалом, Митьку бьют (ну это не ново), на город движется орда шамаханов... и самое неприятное, что всему этому нет никакого логического объяснения. Просто не повезло, и всё тут! Милицейская интуиция в голос вопит, что не так просто. А как? Пока не знаю, разберёмся. Главное — успеть жениться... и обезвредить. Опергруппа, на выезд!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0420-9

© Белянин А. О., 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

...Утро не задалось с самого начала. Причин много. Первую могу указать абсолютно точно: вчера мы с котом Васькой «побились об велик заклад» (на пол-литра сметаны), что наутро бабкин петух не прокукарекает мне подъём в четыре часа, а дотерпит как минимум до восьми. Согласитесь, довольно завлекательная идея дать усталому милиционеру хоть один раз в законный выходной выспаться по-человечески. А в результате что?

В полчетвёртого утра я проснулся сам как миленький и ворочался с боку на бок, ожидая, закричит или не закричит эта проклятая пернатая скотина?! Не закричала... Но ровно в ноль три пятьдесят девять за окном раздались звуки приглушённой борьбы, перемежающиеся хриплым рычанием, горловым мявканьем и свищущими ударами крыльев.

Да-да, внизу, прямо у нас на заборе, чёрный Васька пытался зажать клюв бабкиному петуху, а тот отбивался, как психованный горнист, которому враги-контрреволюционеры не дают сыграть полонез Огиньского. Причём кот явно сдавал! Такое впечатле-

ние, что горластая сволочь с гребешком за лето окончила курсы какого-нибудь экзотического стиля ушу типа «пьяный петух в балетной пачке»... Он так лихо дубасил Василия крыльями под рёбра и шпорами в пах, что только шерсть летела!

Положение спас заспанный Назим, вылетевший из-под крыльца с ножом в зубах и половником наперевес. Петух вырвался, взлетел на наши ворота и уже оттуда победно прокукарекал наступление утра. Я глянул вниз, заботливо плеснул водички на распротёртого кота и окончательно понял — петух не жилец. Теперь у него уже трое кровников...

В горницу спускался мрачно, вроде бы и зевая, но, с другой стороны, не усну теперь точно. Яга суетилась у печи, судя по тому, что на меня даже не глянула, — тоже не в настроении. И должен признать, повод у неё есть, и весомый...

Отмотаем некоторое время назад. Итак, я — Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, бывший москвич, непонятно какими судьбами угодивший в мир русских сказок времён царя Гороха. Застрял здесь крепко-накрепко, занимаюсь своим делом, состою на жалованье и в целом вполне обустроился.

Сам царь у нас хороший, здравомыслящий, хотя и разноплановый, что порой приводит к нехилым казусам и перекосам. Однако ума открыть в столице первое отделение, назначить меня сыскным воеводой и посе-

лить в тереме Бабы-яги ему хватило. В остальном типичный русский самодур — и на плаху пошлёт, и последней рубахой с нищим поделится. Таких в народе любят...

А вот бабка у нас уникальна по всем параметрам. Она и хозяйка, и эксперт-криминалист, и просто бесценный фольклорный персонаж — не любить её нельзя! Да и опасно, кстати. Хотя тут я, возможно, сгущаю краски в связи с теперешними проблемами, но о них позже сами догадаетесь.

...Из сеней высунулась заспанная Митькина физиономия, он одним глазом оценил обстановку, сопоставил две наши недовольные рожи и мудро решил не возникать. Первоначально этого увальня, с силой Ивана Поддубного и мозгами, как гири того же борца, нам дали в нагрузку. Потом он прижился, пообтесался и даже заметно поумнел, хотя жизнь нам продолжал отравлять с завидной регулярностью. Зато милицейскую работу любит круче квашеной капусты, а это подкупает...

Во дворе тихо перекликались дежурные стрельцы охранной сотни Фомы Еремеева. Тоже наши ребята, практически местный спецназ. Без их помощи в Лукошкине уже никуда, в конце лета, ближе к осени, преступность всегда активизируется. Разбойники, воры и спекулянты стремятся набить карманы до наступления холодов и зимовать на доходы от продажи несправедно нажитого добра, в тепле и уюте... Ха!

Вот тут-то, на страже закона и правопоряд-

ка, и появляемся мы, вечные заступники и вечные крайние. Попробую всё объяснить по порядку, но не сейчас — Яга уже накрыла на стол и ждёт к завтраку:

— Ты кушай, кушай, Никитушка, не смотри на меня старую, чего уж...

Я молча обзирал стол: гречневая каша с грибами, блины с мёдом и горячий чай. Надо умудриться и что-то съесть, и не обжечься, и вылезти из-за стола как можно быстрее. Поэтому что начинается...

— Олёнушка-то твоя, слышала, к обеду приезжает. Ну вот и ладушки, не век же тебе холостым ходить. А я-то уж сама буду, обо мне и не думай, кушай давай...

Это у нас уже третий день. Бабка просто изводит меня муками совести и сама на немецкий валокордин подсела, как на наркотик. Валерьянка с пустырником уже не помогают...

— Я ж не без понятия, ваше дело молодое — честным пирком да за свадебку! А я тебе кто? Я те как есть никто, на венчание пригласили — уже спасибо! Мог бы и взащей турнуть дуру старую, я ить не в претензиях...

— Бабуль! — Я со стуком отложил ложку.

— Чавой, Никитушка? — мгновенно делая самые невинные глаза, вскинулась моя домохозяйка. — Али кашка не упарилась, али блинки остыли, а может, болтовня моя старушечья не ко двору пришлась? Дак ты плюнь и прости, мало ли чё развалина слабоумная на костяной ноге языком молоть будет...

А ведь согласитесь, царь предупреждал! Даже в отпуск нас всей опергруппой отправил в надежде отсрочить этот бред, эту кару небесную, эти разборки милицейские... Спасибо, государь-батюшка! Отсрочил! А теперь что? Умереть мне тут от разрыва сердца?!

— Никита Иванович, — тихо пробурчало из сеней, — тут к вам Фома Силыч, с докладом набиваются. Пропустить или так перетопчется?

За дверями раздался возмущённый мат Еремеева, ибо уж если Митя хамит, то прицельно, потом ещё звуки недолгой борьбы, и помятый начальник стрелецкой сотни кубарем выкатился к нам в горницу. Багровый от ярости Фома только взглянул разок на нас с бабкой, мысленно выругался и молча сел напротив меня за стол, без приглашения. Чувствуете, до чего доведено всё отделение? Скоро искрить начнём, обходя друг друга за версту.

— Чаю будешь? — ровно предложил я.

Сама Яга поджала губки и, демонстративно промокая платочком уголки глаз, проскрипела к себе в комнатку. Дверь за ней захлопнулась с грохотом пушечного залпа.

— Опять, что ли? — шёпотом спросил Фома.

Я кивнул. Третий день. Как держусь — ума не приложу...

— Да уж, влип ты, участковый. Не бывать в одном улье двум маткам, не летать вокруг одного лебедя двум лебёдушкам, не скакать вокруг одного кобеля двум...

— Фома, блин!

— Тьфу ты, прости господи, — честно перекрестился он. — Заболтался! Да ить с вашими напряжениями уже совсем ум за разум едет! Разобрались бы вы по-людски, что ли?

— И я им о том же, Фома Силыч, — предательски прогудело из сеней. — Ну мало себе нервы портят, мне, мальчонке неповинному, сотруднику безгрешному, почитай всю кровь ведрами выпили! А я-то молчу, молчу, да и ну как отпишусь царице мемуарами...

— Митька, не лезь не в своё дело! — рявкнул я.

— Вот так, Фома Силыч, — незамедлительно откликнулся он. — Затыкают на каждой фразе, слова вымолвить не могу, скоро уж и рот зашьют, с бабули станется.

— Митька! — действительно раздалось из бабкиной комнатки. — Замолчишь ты аль нет?! Не доводи до греха — ить под горячую руку и впрямь не помилую.

— Что и требовалось доказать, — скорбно заключили сени. — А ведь тока один Никита Иванович женится. Ну а, не приведи господь, я бы об законном браке помыслить посмел? И жить мне, молодцу, опосля того признания ровно три минуточки...

Я грохнул кулаком по столу, посуда дзынькнула, бабка пристукнула костяной ногой, и даже Еремеев невольно перекрестился. Из-за печки высунулся было сизый нос азербайджанского домового и блюдо со свежей пахлавой, мгновение спустя и он исчез, не нарыва-

ясь на личности. Сколько Назим заплатил откупного нашему прежнему домовому, мне в цифрах неизвестно, но дело они сладили без драки, вроде бы на вполне взаимовыгодных условиях. Мне так даже лучше: наш бывший вообще ни разу не показывался, а этот умел поговорить и поддержать компанию, к тому же разбирался в здоровой пище для «кавказского долголетия»! Ну и Яге глазки строил абсолютно искренне...

— Фома, меня царь не вызывал? — с нажимом спросил я.

— Не-э... вроде... а?! Ага! Точнёхонько, ещё со вчерашнего вечера вызывал!

— Одного?

— Э-э... не... — не сориентировался сотник, но я уже встал.

— Значит, опять одного! Пошли, проводишь.

В сенях Митяй, молитвенно сложив ладошки, на языке мимики и жестов, со слезами в глазах, попросился с нами. Типа в доме ему сейчас оставаться — смерти подобно, бабуленька в таком настроении его в ёжика нетрезвого превратит и по столу маршировать заставит. Доля истины в этом есть, я тоже не зверь, всё понимаю, пришлось взять...

* * *

Шесть утра; несмотря на воскресенье, уже везде суетится народ. Первыми выползают дворники-татары, они у нас этот бизнес плотно держат. За ними уличные торговцы, ещё

часик-другой — и базар загудит во всю мощь. Со стороны Немецкой слободы показался дружно марширующий отряд юных фройляйн, идут строем на речку, будут бельё полоскать. Вот и телеги крестьянские от главных ворот на площадь потянулись, мужики сельскохозяйственную продукцию везут. Основная битва за урожай ещё не начиналась, но сады изобилуют фруктами, хозяева за бесценок отдают, хоть мешками уноси...

Олёна должна была прибыть ближе к обеду, с купеческим обозом из Сибири. В смысле это обоз из Сибири, а Олёна — моя невеста, и гостила она у тётушки в соседнем городе, верстах в двухстах от Лукошкина. Вот она вернётся, и мы поженимся, я давно собирался. Венчать отец Кондрат будет, свидетелем с моей стороны немецкий посол Кнут Гамсунович, со стороны невесты — сама царица!

Лидия Адольфина Карпоффгаузен, законная жена нашего всеми любимого Гороха, сразу предупредила, что если ей не дадут побыть «свидетелкой нефесты», то она будет очень огорчена и «горько плакать, а Горошек этого не пропустит... не попустит?.. не запустит?!». Короче, всем всё ясно. Да, она хорошая, хоть и австриячка, обрусела в считанные дни, и стрельцы за неё горой, так матушкой и кличут... Или по матушке, но это если госуда-рыня очень уж гайки завинчивает, и такое бывает.

— А и доброго здоровьечка, Никита Иванович! — с поклонами сняли шапки двое хоро-

шо одетых бородачей из Кузнечного квартала. — Как жизнь да служба? Не сегодня ли невестушка ваша из краёв заморских прибывает?

— Здрате. Сегодня. От тётки из-под соседнего... — коротко попытался отмазаться я, но разве ж от нашего народа так просто уйдёшь... Фигу!

— Вот дело-то ладное! А мы вам на свадебку подкову знатную на ворота изготовили! Всем миром на счастье ковали, уж не побрезгуйте...

Мама родная! Их там восемнадцать мастеров с подмастерьями, и все на одну подкову?! И какого же она тогда размера? С предполагаемое счастье, да?!

— Да будет бахвалиться-то, — мигом раздалось с другой стороны улицы. — Эка невидаль, подкова, железяка гнутая! Вот мы, гончары-молодцы, цельный воз горшков да плошек, крынок да чашек, блюд да тарелей, расписных немислимо, в глазури блестячей, новобрачным наобжигали! Будет из чего щи хлебать, бражку пить, рассолом баловаться... Уж не побрезгуй, сыскной воевода!

Я молча надвинул фуражку на нос. Поздно... Пока мы с Фомой и Митькой плелись через Базарную площадь, со всех краёв слышались бурные поздравления, щедрые пожелания и посулы самых замечательных подарков от всей широты необъятной русской души. Впрочем, и не только русской...

— Участковый, э-э, не побрезгуй давай!

Сюда давай, э-э! Ковёр тебе пири визли, на! Сам бери! Денег не нада! На свадьбу твою одыним глазком, э-э, гильнем, и всё! Два ковра бери! И вот этот... маленький... кирасивый... в уборную!

— Отступись, бабы, я сама говорить буду! Так вот те слово моё, Никита Иваныч... Хотя какого ты мне Иваныч, сын ты мне... сынок... Никитушка! Вот так бы на руках-то и закачала, так бы у груди и затискала, так и... о чём это я? О! Цельную бочку капустки квашеной со брусничкою от тётки Матрёны на свадебный стол прими, не побрезгуй! И вот ещё даром горсточку... Бери, бери, она, поди, не очень мокрая, охальнику своему скормишь!

— А что ж гостю дорогому, милиции любимой, ко столу нашему дорогу-то загораживают! Расступись, народ, батюшка участковый тоже живой человек. Ему, может, тоже хочется с утречка да в честь праздничка, покуда холостой, а потом жена не даст, так, что ли? Ох и ядрёная самогоночка уварилась, Никита Иваныч, друг сердечный... Три ведра тебе на свадебку ставлю! Тока не обессудь, без сертификату медицинского будет... Но на вкус — слеза Христова! Продегустируешь ли, отец родной, тока не побрезгуй...

Я даже не пытался ускорить шаг. Во-первых, бессмысленно, во-вторых, решат, что я убегаю или, того хуже, кого-то ловлю, и помогут всем миром. Ну их... Я вежливо выслушивал всех и вся. Список подарков расширился до ульев с мёдом, рулонов полотна, кобылы

жеребой, шести лукошек с яйцами, набора столярных инструментов, новой сбри с хомутом, подойника чеканного кубачинского, клетки для канареек, резной тумбочки из карельской берёзы и бус из чешского стекла. Причём каждое предложение сопровождалось сакраментально смиренным «уж не побрезгуй»... Видимо, на всё Лукошкино самым непроходимо-брезгливым считался именно я!

А на выходе с Базарной площади нас ждал вездесущий дьяк Филимон Груздев. Мы трое дружно сплюнули через левое плечо, а Митька даже перекрестился, от греха подальше. Но поздно, наш вечный стресс вскинул тощую бородёнку выше крючкотворного носа и... бросился мне в ноги. Я же говорил, день не задался с самого утра...

— Ну и чего ж ты встал, аспид милицейский? Ступай по мне, топчи меня, безвинного, сапожищами уставными, попирай тело моё белое муками бесовскими! Всё одно мне жизни нет, с тех пор как тебя, ирода, в наше Лукошкино сам нечистый взашей вытолкнул...

Я попробовал обойти идиота. Не тут-то было — дьяк резво вертелся у меня поперёк пути, изображая первого христианского мученика в древнем Колизее, бросающегося под колёса колесницы императора Нерона.

— А вот не уйду, да и умру на том же месте! Истерзал ты мне сердечко ретивое, измаял душеньку, за привет да ласку да органам содействие одними слёзоньками уплатил! Ну

так и убей своей рукой али ноженькой, самую смертушку уж почту благодеянием, тиран ты форменный...

Я было готовился просто через него перешагнуть, но после таких слов резко отдёрнул ногу. Мои же сослуживцы вытаращились на меня с таким изумлением, словно до этого гражданина Груздева знали исключительно с лучшей стороны. А этот провокатор явно разыгрывал перед всем миром сцену... ревности?!

— Врёт он. Ничего между нами не было, — стараясь никому не смотреть в глаза, зачем-то объявил я.

Мой младший сотрудник нервно сглотнул, почесал в затылке и, решив «подыграть», со всем пылом бросился доказывать двум совершенно левым прохожим полную ахинею:

— Чё встали, православные? Проходите! Сказано же вам, не было ничего. Чист Никита Иваныч, ни в одном глазу, ни словом ни делом... А уж жениться, как честный человек, он Филимону Митрофановичу не обещал точно! А без обещания — взятки гладки.

— Митя-а... — ахнул я.

— А чё? Пусть докажут!

— Что докажут?! — взвились мы с оклеветанным дьяком.

Гражданин Груздев прозрел непрозрачные намёки и теперь орал на нас один, встав и вытянув обличающий перст к небу. Небеса изо всех сил сдерживали улыбку, притворялись равнодушными...

— Вы об чём на меня подумали, филистимляне необрезанные?! Каких ересей греко-римских начитались?! И без того милиция ваша дьявольская всех приличных мужиков без разбору в положение противоестественное ставит, так ты мне энто дело ищё и посередь улицы предлагаешь?! Без ласк, без романтизму, без томления любовного... Шиш тебе!

Видимо, у меня как-то особенно исказилось лицо, и этот фрондёр мигом перешёл к делу:

— Заявление до тебя имею. В отделение за-несть не могу, стрельцы твои, аки псы цепные, давеча пристрелить грозилась за настырность. Вот и решился поперёк дороженьки вашей лечь, лишь бы грамотку мою вниманием удостоили.

Я покосился на Фому. Тот пожал широкоими плечами. Последние три дня дьяк действительно ошивался у наших ворот. Вёл себя вызывающе, оскорблял стрельцов при исполнении «легавыми» и «фараонами», пробовал плевать с безопасного расстояния. В принципе всё как обычно, ничего нового. Кто-то из ребят вполне мог и сорваться, но извиняться перед дьяком от лица всего отделения — плохая примета...

— Митя, прими у гражданина заявление и догоняй нас.

— А вы к царю, что ль? Дак я с вами, — тут же увязался следом этот небритый аппендикс в рясе. Отвязаться от него законным путём

возможности не было, поэтому дальнейшую часть пути прошли молча.

Официального вызова к государю у меня не было, но Горох по натуре жаворонок, то есть может принять рано и без доклада. А поговорить всегда есть о чём... У самых ворот Еремеев пожал мне руку и распрощался до вечера, у него насыщенный день, проверка постов, осмотр новобранцев и ещё что-то там личное, по дому.

Дьяк как репей повис на нашем младшем сотруднике. Даже поднимаясь по лестнице в царские палаты, я краем уха слышал, как Митька ровно объяснял брюзжащему зануде, что арестовывать эдакую прорву народа мы не будем и расстреливать никого не станем и каторги для детей от трёх до семи у нас законом не предусмотрено, а если у Назима прописка азербайджанская, так про то у Яги спросить надобно, а она вмешательств в свою личную жизнь очень не любит.

Дальше я уже просто ускорил шаг, потому что нервов моих на них всех не хватит. А Филимон Митрофанович, тот, известно, без звиздюлей как без пряников, правильно его Митя послал: бабке только намекни на прописку, она и сама, поди, из нелегалов, всю молодость по лесам да болотам в избушке партизанила.

— Как сам? — Я вопросительно кивнул на дверь в малые покои государя.

Двое стрельцов из охраны Гороха неопределённо пожали плечами.

— Опять пишет?

— Угу, — кивнули они. — И всю ноченьку писал. Матушка плакала ажно... Говорит, будто это узкоглазые его чем заразили.

— Ладно, посмотрим.

— Ты уж полегче там, сыскной воевода. Не ругай его так уж... под впечатлительностью государь...

* * *

Короткая предыстория. В двух словах. Неделю назад наше Лукошкино посетила с дружественным односторонним визитом японская делегация с Хоккайдо. Что-то выторговывали насчёт леса и островов. Подарили баяшке царю красивые гравюры, два веера, самурайский меч и томик стихов то ли Васё, то ли Масё. Горох попросил перевести, весь вечер хихикал: типа три строчки не поэзия, так и любой дурак сможет. А потом подсел...

— Ирассей массей! — по-японски приветствовал меня русский царь, не отрывая глаз от созерцания маленькой сосны бонсай в крошечном горшочке. — Заходи, Никита Иванович, друг сердечный. Посидим, чайку зелёного выпьем али sake пригубим по чуть-чуть? О, у меня как раз есть новенькое хайку на эту тему: «Друг в дом мой вошёл и сандалии снимать начинает... Быстро открою окно!»

— Это... вы... про меня?! — не веря своим ушам, едва выговорил я.

— Не-э... — Государь обмакнул кисточку в

тушь и, от усердия чуть высунув кончик языка, начал что-то быстро рисовать на листе рисовой бумаги. — Это я про боярина Кашкина. Хочешь, я о любви почитаю? Тоже совсем свежее... «Выпить жена не даёт, а до свадьбы сама наливала... вот они бабы!» Как тебе?

— Жизненно, — прокашлялся я, снимая обувь и без приглашения садясь на новую циновку.

Первую чашечку sake, размером с напёрсток, гостеприимный Горох церемонно булькнул мне сам и многозначительно подмигнул — японские традиции не позволяют самому наливать себе алкоголь.

— Царица не застывает? — на всякий случай уточнил я, наливая ему ответную.

Выпили не чокаясь. У обоих на мгновение скуксились физиономии (всё-таки тёплая разбавленная водка — дрянь несусветная!), но оба сохранили лицо. В том смысле, что не закашлялись, не поперхнулись и не выругались матом.

За дверью раздались грохочущие шаги.

— Легка на помине...

— Ви позфолите? — После деликатнейшего стука к нам вежливо заглянула матушка государыня. — Ой, майн либен, это же дорогой друг герр Ивашов! Как я есть рада фас фсюду фидеть! Как дела в полиции? Как фаша Олёнушка? Мы с Горошком принимаем ф ней большое причастие... участие... на фаше счастье! Ах! Это же есть почти стихи, да?! Я тоже хотела би...

— Сядь, а... — тихо попросил царь, стыдливо пояснив: — Второй день учу, что приличной гейше при беседе самураев рот открывать не положено. Пока туго идёт...

— Я стараюсь! Я фся есть...

— Ох уж старается она мне... До сих пор достойного шёлку на кимоно не нашла! Сандалии-то деревянные заказала хоть?

— Найн... — совсем поникла бедняжка. — Фаш плотник сказаль, что он не есть сапожник. Я буду их пилить сама.

— Сандалии али дворника с сапожником?! С ума она меня сведёт, Никита Иванович... простейших вещей запомнить не может. А ты-то куда встал?

— Не хочу смотреть, как вы в моём присутствии ни за что унижаете собственную жену! — чётко выговаривая каждое слово, припечатал я.

Царь охренел на месте! Других слов не нахожу. А Лидия Адольфина благодарно подняла на меня полные слёз голубые глаза. Вниз по лестнице я спускался вроде бы быстро, но всё равно не успел.

— Возвернуть! В кандалы! В Сибирь! На каторгу! Самолично обезглавлю дурака, а потом всё одно на каторгу! Я ему царь али кто?! Хватать сыскного воеводу!

Ну вот, это уже что-то... Это нормальный Горох, наш, не объяпонившийся. А то строит из себя Токугаву русского пошива...

— Эгей, погоди, батюшка участковый, — сзади заспешили царские стрельцы. — Ты уж

или шаг ускорь, али давай мы тя для порядку повяжем. Чё ж ты эдакого самодержцу нашему сболтнул — ногами топает, аж поглядеть любо-дорого!

— Да так... за матушку государыню заступился.

— Святой ты человек, участковый, — с уважением откликнулись бородачи, а сверху уже доносился невнятный гул, похожий на шум прибоя, перемежаемый дроботом сапог, стуком посохов, счастливым матом и верно-подданныческими лозунгами.

— Беги, сыскной воевода, — бояре поднялись!

Ой, мама, родила ж ты сына-милиционера... Вот только бояр мне сегодня на мою голову и не хватало! С первого дня моей службы в Лукошкине я был объявлен всей боярской думой как враг народа номер один, на уровне Чингисхана, Гитлера или Баскова. Редкое дело нам удавалось довести до конца без помех с их стороны. А боярский бунт с попыткой государственного переворота? Или «альтернативное думское следствие» в лице пьяницы Псурова да дьяка Фильки?

О достопамятном аресте главы думской фракции знатного боярина Бодрова с собутыльниками и последующей посадкой оных в поруб вообще умолчим... Их же потом еле-еле в бане отогрели вениками и водкой, а так хоть на фестиваль ледяной скульптуры в Хельсинки отправляй! А к чему это я?

— Вяжи злодея-участкового-о!!!

Всё. Заболтался. Поздняк метаться. Будут убивать... В один миг я был атакован шумной, сопящей, бородатой толпой толстопузых политиков в высоких шапках. Глаза горят, зубы скрежещут, тяжёлые посохи уже перехвачены на манер разбойничьих дубин, но...

— Не замай! — Меж мной и боярами грозно сомкнулись отточенные бердыши царских стрельцов. — Арестован он! В темницу ведём, а трогать не сметь!

Из боярской толпы незамедлительно выдвинулись две наиболее весомые фигуры — Кашкин и Бодров. У-у-у... Теперь я уже и сам никуда не спешил. Пока они ещё не вцепились друг другу в бороды, напомню: старик Кашкин, представитель прогрессивной боярской фракции, вечно в меньшинстве, но меня любит, как сына. А вот толстяк Бодров, хоть и моложе его лет на двадцать, но сторонник традиционализма и милицию на дух не переносит, так что...

— Да нешто мы, бояре, потерпим, чтоб лютый враг государев (это про меня?!) во темнице тёплой с калачами да бражкой отсиживался? Казнить безмерно и немедленно!

— Не след поперёк слова царского идти. Государь он строг, да и отходчив: сказано ж было — в Сибирь, значит — в Сибирь!

— Не буди во мне силу великую, старик, не ищи себе смерти безвременной, не стой на пути гнева праведного! А участковому я прям сей же час своей рукой фуражечку на другое ухо забекреню!

— Вот тока тронь Никиту Иваныча, я ить не посмотрю, что у тя двое детей-недорослей, как дам посохом поперёк зубов... а там уж пусть сажают! Хоть потешу душеньку на старости лет.

Прямо на моих глазах боярская дума бодренько разделилась на две неравные половины и начала засучивать рукава. Эх, Яги нет, она на такое поглядеть любит...

— Ты бы шёл отсель тихохонько, — шёпотом посоветовали царские стрельцы. Я, собственно, поступить так и собирался, но ведь день не задался с самого начала. То есть уйти не успел, потому что... Митя!

— Никита Иваныч, отец родной, держитесь! — медвежьим рёвом раздалось снизу, и наш бугай, огромными прыжками преодолевая ступеньки, на полном ходу врезался в боярский строй. Меня он попросту смёл в сторону, дабы не зашибить. — Расступись, Сократа не читавшие! Ништо, небось отмашемся-а!!!

Ну, как вы поняли, в результате он увлёк в развлекаловку всех. И «наших» бояр, и «ненаших», и стрельцов, и подоспевшую дворцовую челядь, и меня, и... всех! Это Митя, его надо знать... Полчаса спустя он же каялся мне в отдельной камере, связанный по рукам и ногам, с синяками на полфизиономии, довольный, как тюлень в банке с прибалтийскими шпротами:

— Как я по двору ходил, да всё гоголем! Со носочка преступал да на пяточку! Что да пес-

ни распевал — всё народные, а частушки сочинял, так приличные! Тока слышу, стук да гром в царском тереме — там бояре бьют толпой всю милицию...

— Во-первых, не всю, а меня одного. Во-вторых, они, может, только собирались. И в-третьих, тебя-то кто просил вмешиваться?

— Тут не стал я, молодец, думу думати, а пошёл да на бояр всем намститити, — практически не слушая меня, нагло продолжал он. — Вот уж удаль где была, слава бранная! Вот уж душу отвели, оторвались...

— Митька, — уже изрядно поднапрягаясь, возвысил я голос, потому что сидеть связанным в сыром полуподвальном помещении на несвежей соломе мне не улыбалось абсолютно. — Ты хоть наших успел предупредить?

— Не-а... А чё, надо ли было? Бабуленька и так про всё узнает, когда на казнь поведут.

— Куда-а?!

— Дык на плаху, куда ж ещё? — даже удивился он, мечтательно разглядывая сводчатый потолок. — Рази ж царь-батюшка попустит, чтоб вы его при государыне матом крыли, а потом меня, сотрудника младшего, при всех на боярскую думу спустили? Казнит, казнит всенепременно...

— М-минуточку, — теперь уже окончательно занервничал я. — Каким матом, что ты несёшь? И на Бодрова я тебя не науськивал, ты сам припёрся. Митя! А ну смотри мне в глаза, опять какие-то научные игры с психоанализом?!

Он честно повернулся, почти полминуты выдерживал мой взгляд, а потом всё равно сдался:

— Угадали! Так с вами даже неинтересно, Никита Иванович, а ить я энту схемку «группового воздействия» у Кнута Гамсуновича едва ли не месяц выпрашивал. Думаете, немцы так уж строем ходить любят? Ага, как же! Групповое воздействие, вот оно как...

Дальнейшие полчаса я тупо выслушивал всю эту восторженную ахиною насчёт его изощрённого плана, составленного по последним научным достижениям в исследовании глубинных процессов подсознания, и вовлечения в этот простенький опыт максимально большего количества влиятельных лиц. Короче, если всё выгорит — меня повысят в звании и наградят шубой с царского плеча, а если нет... Отрицательный результат он даже не просчитывал, заранее отменяя его как лишённый логического смысла, но исполненный недостойного паникёрства.

Хотя если уж совсем по совести, то я по зрелом размышлении тоже как-то перестал особенно волноваться. Всё-таки царь у нас не деспот и самодур, а вполне вменяемый управленец. Пошумит, поорет, естественно, но не казнит. Погоны сорвёт, с должности снимет, но рук распускать не станет и на каторгу тоже не зашлёт. Сам, конечно, извиняться не придёт, но наверняка с минуты на минуту пришлёт кого-нибудь...

С традиционным лязганьем отошли дверные засовы, ну — что я вам говорил?!

— Вот, государь-надёжа сыскному воеводе передать велели! — Молоденький незнакомый дьячок, с наивными глазами и юношескими прыщами на носу, торжественно положил передо мной чистую рубаху, длинный нож, баночку с тушью и кисточку. Типа полный набор для ритуального харакири.

Боже, этот бред надолго?!

— На словах ничего передать не просил?

— Стих! — гордо возвестил посыльный и смущённо прочёл наизусть: — «Белая ткань, а на ней — алые пятна заката... Честь самурая строга!» Сказал, дескать, вы человек культурный, сами поймёте...

— Мить, ты понял?

— Не-а, — равнодушно откликнулся тот. — Поесть бы лучше принесли чего! Или вон хоть руки развязали, я энтой кисточкой записочку на волю накорякаю...

— О, а это идея, — согласился я. — Молодой человек, не считите за труд, я буду диктовать, а вы пишете. Потом занесёте в отделение Бабе-яге, она вам ватрушку даст. По рукам?

— С превеликим удовольствием, батюшка участковый! Чего ж не отнести-то? — Дьячок привычно разложил бумагу на колене и несколько неуверенно взялся за кисть. — А то я гадал, зачем царь вам энто всё отправил. Ну вот, хоть принадлежности писчие сгодились. Глагольте!

— Э-э... «Бабушка, не волнуйтесь, мы с Митей в тюрьме. Пусть Еремеев за всем присматривает. Казнь вечером, так что на ужин не ждите». Вроде всё?

— Что-нибудь ласковое в конце, — с укоризной подсказал мой младший сотрудник. — А то сухоовато как-то, обидится, пожилой человек...

— Да, разумеется, допишите ещё: «С наилучшими пожеланиями счастья, здоровья и любви, всегда ваши Никита и Митя!» Так хорошо?

— Так лучше, — кивнули они оба, и дьячок развернул записку ко мне, чтоб я проверил текст. Всё верно, без ошибок, толковый парень, нам такие в отделении всегда нужны. Надо не забыть переманить, как срок отматываем.

— А государю ничего передавать не будете?

— Нет. Доложи, что всё исполнил, как велено. Можешь даже письмо Яге ему показать, пусть прочтёт, — подумав, разрешил я.

Паренёк отвесил поясной поклон, сунул записку за пазуху и вышел.

* * *

Мы снова остались одни. Ситуация глупейшая — сидим, связанные, в какой-то занюханной камере и ждём «суда несправедного». Милиционеры, блин! Борцы за справедливость и законопорядок! Довоевались... Я уж

не говорю о том, что мне после обеда Олёну с обозом встречать! Где же, блин, царь?!

Засовы вновь лязгнули, мы вытянули шеи, но в темницу вошёл не Горох, а его дражайшая половина. Заботливая Лидия Адольфина Карпоффгаузен по-немецки извинилась за то, что без приглашения, и начала бодренько выставлять из принесённой корзины разнообразные вкусоности. Ладно, тоже приятно.

— Я могу фас разфясать. Ви не будете от меня убегать, я?

— Натюрлих, Лидия Карповна, — с акцентом, но довольно бегло откликнулся Митяй. Всё-таки не зря он в Немецкую слободу шастает, нахватался помаленьку...

— Горошек ошень-ошень-ошень сердит, — печально рассказывала матушка императрица. — Ви мне есть настоящий дрюг, герр участковый, я это всегда ценить и говорить налицо, но... Но мне кажется, ви сегодня перешли граница... рубеж... фассальной ферности, найн? Я буду ходотаить за фас обеих!

— Обоих, — поправил я.

— Твоих сразу, — согласилась она, довольно ловко перерезая «ножом для сампуку» верёвки на моих запястьях.

На моём напарнике узлов было больше, с ним пришлось повозиться, зато потом спокойно уселись прямо на полу, без чинов и регалий, разложили сосиски, хлеб, копчёный шпик, стопочки под шнапс и как-то совершенно незаметно разговорились. Начали с чего-то вовсе нейтрального, вроде я сказал, что

пробовал в Москве немецкое пиво, но никогда не ел рульку по-баварски. Царица Лидия тут же пообещала заказать её ближайшим обозом из Германии, а Митька заявил, что у Кнута Гамсуновича в слободе «энто дело подадут с кислой капустой и гороховым пюре», чё возить-то?

Слово за слово, ещё по стопочке, с кулинарии перешли на внешнюю и внутреннюю политику, с неё на личную жизнь женщины до брака и в браке, на перспективы образования современной молодёжи и создания развёрнутой программы содействия пенсионерам с отклонениями в психике. Отвлеклись, только когда в дверь постучали...

— Кто есть там нам мешать?

— Энтшульдиген зи битте.— В нашу уютную темницу с извинениями заглянул немецкий посол, Кнут Гамсунович.— Не помешаю, господа? Я слышал о вашем аресте, герр Ивашов, и не мог не попытаться прийти сюда, дабы выразить свой протест царским призывом и ещё раз подчеркнуть моё искреннее уважение вашим поступком!

— Каким именно? — чуть смутился я.

— Как?! — столь же искренне смутившись, поразился посол.— Да весь двор только и говорит, как вы обругали русского царя матом за то, что он был недостаточно вежлив со своей же царицей! Вступить за честь женщины перед венценосной особой способен не каждый. Увы, истинное рыцарство честь при-

водит в тюрьму или на плаху. Но я горжусь вами! Позвольте?

Господин Шпицрутенберг извлёк из-за пазухи длинную узкую запечатанную бутылку с чёрной кошкой на этикетке и вопросительно подмигнул. Чистопородный немец, он уже так давно жил у нас в России, что если и не обрусел окончательно, то, по крайней мере, обычаи знал и умел поддержать компанию. Митя охотно подвинулся, и дальнейшие разговоры пошли уже на четыре голоса. А мы хорошим людям всегда рады, даже в тюрьме!

Сравнивали церковную музыку в католических храмах с нашим разноколокольным перезвоном, спорили о преимуществе голландского кроя камзолов, говорили об этнических конфликтах и пассионарной психологии шамаханов, о чём-то ещё. О, вспомнил, о том, кстати, что в длинной бутылке у посла оказалось роскошное вино, градусов на пять слабее шнапса, зато на травах. То есть в лучших милицейских традициях — мы не пьём, мы лечимся!.. И лечились, пока в дверь не постучали ещё раз...

— Заходите! — громко предложил я, и все согласно кивнули. Почему нет? Может, у нас сегодня День открытых дверей в Бутырском изоляторе?!

На пороге стоял малость удивлённый дьяк Груздев — как уж его-то пропустила охрана, ума не приложу. К тощей груди Филимона Митрофановича уютно прильнула двухлитровая бутылка мутного самогона. Ну-у... глав-

ное ведь повышать градус, а не наоборот. И то со сладкого винца нас уже как-то повело...

— Государь послал, из человеколюбства христианского, проведать, не надо ли чего? А вы тут вона что, за спиной государевой?! — Но, заметив среди нас гордо выпрямившуюся царицу, опытный скандалист мгновенно сменил тон. — Но ить с матушкой Лидией Карповной оно, конечно, можно. Она ить, головушка светлая, лебёдушка белая, небось стыдить пришла души ваши заскорузлые, а я и...

— Да присаживайтесь! И бутылочку дайте на общий стол, раз уж принесли...

— Не тебе нёс, мент соломенный, — взвился было дьяк, но опять-таки в мгновение ока сменил тон. — Однако же за-ради честной компании с каким змием не помиришься. Угощайтесь, люди добрые, пейте, аки кровь мою, чистую... Не сам гнал, но где брать — ведаю!

В принципе мы все были уже более чем чуточку хорошие, а после второй или третьей стопки и наш долгополый представитель жеребьячьей породы тоже вдруг оказался не самой распоследней сволочью. Филимон Митрофанович охотно припомнил свои летние похождения в Подберёзовке, сам первым визгливо хихикая над собственным, едва не состоявшимся «бракосочетанием», от которого его удержало единственное здоровое опасение — получить Митеньку в пасынки. Мите, как вы понимаете, такой отчим, как дьяк, тоже глубоко не в радость, поэтому

пили за то, чтоб «всем было хорошо и никому не обидно...».

— Мне обидно,— глухо раздался чей-то жалостливый голос от дверей.

— Горошек?! Это есть ты? — Матушка государыня мигом обернулась к пришибленному судьбой царю.— Зачем тебе так скучать, иди к нам! Ми тут... слегка и по чуть-чуть... То есть нам уже почти весело, но без тебя... как-то...

— ...Не то! — дружно поддержали все мы.

Горох выдохнул, махнул рукой, дал какие-то распоряжения стрельцам по ту сторону дверей и решительно присоединился к нам. Как я понимаю, казни сегодня не будет. Митькина схема группового воздействия сработала на все сто. Осталось дожидаться повышения в звании и шубы с царского плеча. А в темницу быстренько доставляли чистую скатерть, перемену горячих блюд, сёмгу и чёрную икру, закуски и разносолы...

Короче, мы с Митей удрали первыми. Остальные уже вовсю пели, обнимались, клялись в вечной дружбе и взаимном уважении, так что на наше исчезновение особого внимания не обратили. Своего младшего сотрудника я уволок практически за шиворот (ему пить нельзя — кодируй не кодируй!), а мне ещё Олёну встречать — вдруг она с большим багажом? Митька в этом плане бесплатная тягловая сила.

— Хорошо ещё, Бабуленька-ягуленька нас спасти не откликнулась,— значимо изрёк

он, когда охрана задними калиточками вывела нас с царского подворья.

— Что, кстати, странно, — отметил я, подерживая разговор. Обычно наша эксперт-криминалистка себя долгими сборами не утомляет — прилетит на ступе и забомбит весь гороховский терем на фиг! А тут... даже Ваську с напильником не прислала...

Но хуже всего оказалось известие, что так долгожданный мною обоз прибыл ещё два часа назад. То есть, заигравшись с Горохом в «тюрьму», я безбожно опоздал на встречу с любимой девушкой! На Гостином дворе разгружали последние телеги, иностранцы, примкнувшие к нашим купцам ещё от северной границы, уже разошлись по своим посольствам и торговым домам. Мой верный напарник пошнырял туда-сюда, что-то понавывспрашивал, кому-то поугрожал, где-то выцыганил настоящий французский круассан и вернулся ко мне с подробным докладом:

— Прибыла пассия ваша разлюбезная! Добралась в цельности и сохранности, в пьянстве по дороге не замечена, себя блюла, одному обозному аж ухо открутила за намёки безобразные. Вон на той скамеечке цельный час сидела, как лапушка, всё вас выглядывала. Потом всплакнула вроде, да и пошла в отделение...

— Куда? — не сразу поверил я.

— Дык... в отделение, ясное дело, — недоумённо пожал плечами Митька. — Дома-то у неё здесь нет, жить негде, вот она со своим

сундучком к вам на работу и направилась. А чё не так-то? Вроде всё логически обоснованно... Вы куда, Никита Иванович?! Я ить ещё не всё рассказал-обозначи-и-ил...

А-а, в задницу этого умника с его расширенным словарным запасом! Меньше знал, так хоть не лез везде со своим «логическим обоснованием»! Остатки хмеля сразу улетучились из моей буйной головы. Я рванул с места и нёсся вперёд, как милицейский «уазик», поднимая тучи пыли и со скрежетом тормозя на поворотах. Если в нужных местах бежать очень быстро, а потом совсем не бежать, то есть идти вразвалочку, с ленцой, то народ подумает, что это я так, дурью маюсь, и помогать не кинется. Тут главное — опыт и знание психологии, в противном случае к отделению я бы вылетел в сопровождении как минимум сотни не очень занятых горожан. С Митькой потом объяснюсь, а сейчас главное — не допустить столкновения Олёны и Яги! Однако по бледным лицам вытянувшихся стрельцов нашей команды я понял, что второй раз за сегодня катастрофически опоздал... Нет, ну что за день, а?!

— Еремеева ко мне!

— В тереме он, батюшка участковый, — тихо шепнули стрельцы. — Как девица твоя внутрь вошла, так и он следом отправился. Пропадающая душа...

— Это почему ещё? — внутренне похолодел я.

— Да уж так, предчувствие... — скорбно

перекрестились оба бородача. — А нам пост покидать нельзя. Фома Силыч, прими его Господь, очень уж строг на энто дело.

— Тьфу на вас, болваны! — не выдержав, рявкнул я. — Развели тут демагогию на пустом месте... Сейчас должен Митя подойти, скажете, чтоб в дом шёл. А кроме него, никого сюда не пускать! Карантин у нас в отделении.

— Чаво?

— Карантин! Ангина! Чума! Холера и птичий грипп, вместе взятые, ясно?!

Не в силах больше тратить свои нервы ещё и в воротах, я решительным шагом пересёк двор и бодренько взбежал на крыльцо. Дверь открывал так осторожно, словно с той стороны была привязана граната. Сени встретили меня гробовым молчанием. Ладно, разберёмся, не в первый раз...

— Всем привет! Не ждали? А я от царя, вот только-только из тюрьмы... — бодро проорал я, бочком входя в горницу.

Немая сцена — на скамье сидит мрачный, как ноябрьская туча, кот Васька с ароматной кружкой в нетвёрдой лапе. Ароматной потому, что иначе не скажешь, запах валерьянки едва ли не валил с ног. Плечом к плечу с Васей, счастливый до умопомрачения, домовый Назим с уполовиненной бутылью чего-то азербайджанского крепкого. Морда сияет почище бабкиного самовара! Причём ни моей невесты, ни моей домохозяйки нигде не видно. Зато на столе лежит высокая шапка стре-

лецкого сотника и... Прошу прощения, вообще-то не лежит, а перемещается по столу неровными, короткими движениями с приглушённым негодующим кваканьем. Вопросов нет. Та-ак...

— Где Олёна?

Пьяный кот молча указал когтем наверх. Ясно, в моей комнате.

— Где Яга?

Столь же нетрезвый Назим, хмыкнув, кивнул в сторону комнатки моей домохозяйки.

— А... это Еремеев, да?

Кот и домовый покосились на прыгающую шапку и церемонно чокнулись в знак согласия.

Очень-очень-очень длинную минуту я думал, куда пойти в первую очередь? Ну Фома подождёт, ему всё равно деться некуда, а вот женщины... Поднимусь к Олёне — гарантированно задержусь там надолго, потому что надо объяснить, почему опоздал, попросить прощения за то, что не встретил, и хотя бы вкратце выслушать, что тут произошло. Пойду к Яге — придётся час распинаться в извинениях, требовать расколдовать попавшего под горячую руку сотника и ещё час выслушивать бабкины вздохи, всхлипы, слёзы и укоры. Какой у меня выбор, а?!

— Этого стеречь и не выпускать! — игнорируя призывное кваканье из-под шапки, приказал я и опрометью бросился вверх по лестнице. В общем, недалеко ушёл, потому что почти в ту же секунду врезался в широкую

грудь моего верного напарника, входящего из сеней. Как кстати! — Митя, бабушка на тебе! Успокой, обними, утешь, объясни ситуацию, но в психоанализ не лезь — убьёт! Общий сбор за столом через пять минут, в остальном — действуй по обстановке.

— Рад стараться, Никита Иваныч! Ужо не подведу, отец и благодетель!

Вот не люблю я, когда он так говорит, но поздно, ноги сами несли меня наверх, а сердце пело от предвкушения долгожданной встречи с любимой...

* * *

Олёна явно услышала мои шаги и встретила меня почти на пороге. На мгновение мы просто встали лицом к лицу, едва ли не касаясь друг друга, и молча пытались хотя бы посмотреть глаза в глаза... Я понял, что безумно её люблю, что искал именно такую, что никогда и ни на кого её не променяю, что хочу видеть её каждый день, каждый час, каждую минуту своей жизни!

— Родной...

— Да, любимая... Прости, я...

— Я понимаю...

— Но... честно...

— Я тоже, я...

— Вот тут и...

— Да...

Я развёл руками, демонстрируя свои скромные апартаменты, она улыбнулась и кивнула. Со стороны наш диалог, наверное,

выглядел до безобразия содержательным. Плевать! Без разницы! Кому какое дело? Главное, что я смотрел в её глаза и видел, что она меня понимает. Значит, любит... И я её люблю. Она сделала шаг вперёд, молча прижавшись лбом к моему плечу.

Дверь едва слышно скрипнула. Я скосил взгляд — в узкой щели горел зелёный кошачий глаз и слышалось пьяненькое хихиканье. Потом глаз исчез так резко, словно Ваську оттащили за хвост. В дверь подчёркнуто вежливо стукнули, и краснеющий за поступок друга домовый церемонно объявил:

— Абэд! Все ждут. Как брата прашу, старался очень, да?!

— Я не пойду,— быстро откликнулась Олёна.— Там что-то с бабушкой вашей... страшное. ТАК на меня посмотрела... Я тебя здесь подожду.

— Успокойся, ты же со мной,— как можно увереннее произнёс я.— Назим, Яга внизу? Как она?

— Как роза! — широко улыбнулся он во все тридцать два зуба, а может, и больше.

Повезло мужику... Я раньше, грешным делом, думал, что он нашей домохозяйкой восхищается, чтоб работу получить и в столицу переехать. Но нет! Этот азербайджанец был влюблён абсолютно искренне и честно, не придерёшься, только позавидовать...

И всё-таки вниз идём вместе, не хватало ещё, чтоб бабка на нервах не решила, что мы с ней теперь за один стол не сядем.

БУЙСТВО ГЛАЗ И ПОЛОВОДЬЕ ЧУВСТВ, ИЛИ ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЕМ

Итак, перед нами заключительная книга знаменитого цикла Андрея Белянина «Тайный сыск царя Гороха». Первая же вышла десять лет назад. Десятилетие – много ли это или мало? Если за критерий отсчета брать историю существования книги и героя в литературе в целом (пусть мы и ограничимся исключительно фантастикой), то конечно же и Никита Ивашов, и произведения о нем находятся, так сказать, в «детсадовском» возрасте. Они еще очень «юны и свежи», чтобы определять их место и роль в литературном процессе, классифицировать, вписывать в контекст и проч. и проч. Однако если рассматривать их, соотносясь с творчеством самого автора и периодом, в котором создавался цикл, то следует признать, что десять лет – это довольно значительный отрезок времени. Не будем говорить о зарубежной фантастике, развивающейся несколько по иным законам, но для отечественной десятилетняя верность писателя одному и тому же миру и герою – явление редкое. А если при этом учесть и неослабева-

ющий интерес читательской аудитории к романам «Тайного сыска», постоянно переиздающимся большими тиражами, то цикл этот и вообще исключение из правил (справедливо ради отметим, что не единственное).

Никита Ивашов появился в то сложное для России и русской культуры время, когда мы только-только испытали потрясение дефолтом, серьезно пошатнувшим экономику и отразившимся в том числе и на духовной сфере. Неверие в собственные силы, недоверие к властям и неуверенность в завтрашнем дне вели к усилению мрачных тенденций в литературе и искусстве. Вовсю расцветала «чернуха», со страниц книг и журналов, с экранов телевизоров и кинотеатров лилась масса негативной информации, не добавлявшая гражданам жизненного оптимизма. И в таких непростых условиях, когда, прямо скажем, было не до смеха, нашлись смельчаки, решившиеся «чувства добрые лирой пробуждать», показывая, что не все прогнило в нашем государстве, что нам есть на что опереться и от чего плясать, возрождая чуть поколебавшееся величие. Среди них был и Андрей Олегович Белянин, тогда еще совсем молодой, едва переступивший тридцатилетний порог писатель-фантаст (это сейчас такой возраст, увы, стал считаться «зрелым» для автора, а тогда было еще по-другому). Он представил аудитории такого же молодого (лет двадцати с хвостиком) героя, полного сил и энергии, не унывающего ни при каких обстоятельствах, под-

линного рыцаря без страха и упрека. Этакое себе Василия Теркина эпохи «миллениума». Сходство с героем Твардовского подчеркивалось и тем, что оба парня были одеты в форму. С той лишь разницей, что Никита Ивашов имел офицерское звание (пусть и самое незначительное и «несерьезное» – младший лейтенант), а форма его была милицейской.

Уже неоднократно отмечалось, что Белянин одним из первых в постсоветской литературе возродил положительный образ сотрудника правоохранительных органов. До него на целых пятнадцать лет люди в милицеских погонах стали жупелом, олицетворением всего темного, происходившего в государстве. Рэкет, коррупция, «крышевание» преступного элемента, бандитизм – вот тот неполный букет обвинений, предъявлявшихся милиции. Даже специальный фразеологизм появился – «оборотни в милицеских погонах». А писатель-фантаст из Астрахани возьми да и покажи «нетрадиционного» милиционера. Разумеется, нетипичного для той смутной поры. А вот для литературы и кино предшествующего периода Никита Ивашов был как раз вполне по меркам. Сразу вспомнились «Сержант милиции», «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут ЗНАТОКИ», первые романы Николая Леонова о Гурове (где Лева был еще совсем зеленым и неопытным ментенком, а не заматеревшим суперменом-полковником). Наивный и неопытный, попавший из столичного РОВД в

сказочное царство Гороха и сделавший там небывалую карьеру (сыскной воевода, фактически министр внутренних дел), рос на наших глазах. И как-то совсем незаметно вырос, став уже не мальчиком, но мужем.

«Мне за 30 лет,— писал одному из своих друзей А. С. Пушкин накануне женитьбы.— В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться». Если прикинуть возраст белянинского героя, то и ему уже около тридцати. Так что Никита Ивашов вполне созрел для решительного в жизни каждого ответственного человека шага — женитьбы. Тем более что шел он к этому целых четыре книги и почитай девять лет — с первого знакомства со своей будущей супругой в романе «Летучий корабль». А ведь практически с первых же книг читатели и критики были озабочены семейным положением героя. Дескать, «что-то не так» с молодым и пригожим парнем, раз он на девок не засматривается. Надо сказать, писатель, сам сторонник твердых семейных ценностей, тут же исправил положение и обозначил контуром-пунктиром суженую Никиты, однако отягощать которую его фамилией не торопился. Оно и понятно, ведь по законам детективного жанра сыщик должен быть «волком-одиночкой». Особенно молодой. Если ты озабочен (как тот же царь Горох) выяснением отношений с дражайшей половиной и воспитанием в перспективе оравы детишек, то какие уж тут расследования и юмор?

Нужно постоянно озираться по сторонам, чтоб не оставить жену вдовой, а детей сиротами. Это уже социально-бытовая проза, а не юмористическая фантастика.

И вот наконец герой цикла женится, а, значит, и впрямь пришел финал «Тайному сыску царя Гороха». То, что автор прощается со своим любимым созданием, видно по тональности всего повествования. Мы уже отметили, что Никита переступил тридцатилетний рубеж, отделяющий юность от зрелости. Как метко сказал об этом состоянии Есенин:

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

То же происходит и с белянинским Ивашовым. Он заметно возмужал. И если своими поступками еще иногда напоминает того, прежнего младшего лейтенанта, то его мысли свидетельствуют о духовном взрослении героя. Да, он все так же пытается усмирить неугомонного петуха, мешающего опергруппе спать (этот безмолвный персонаж стал настоящим фирменным знаком цикла), совестит Митьку Лобова, неизменно озабоченного качеством капусты тетки Матрены (тоже непрменный прием смеховой культуры «Тайного сыска»), ссорится по пустякам со своей домохозяйкой Бабой-ягой и работодателем царем Горохом. Однако ж главное в романе «Жениться и обезвредить» не в этом.

Основная идея, звучащая в книге и проходящая через весь текст,— это мысль народная. «Народ всегда прав»,— неоднократно подчеркивает Никита, вырастая из простого сыскаря до народного заступника. Причем под «народом» здесь надобно разуместь не только простых крестьян (Белянин в этом сериале почти далек от какой-либо социальной сатиры и критики, хотя иногда аллюзия-другая и случается), но и вообще весь «мир», общество, включая мужей лучших и нарочитых, духовенство и самих царя с царицей. Ивашов говорит о гражданском мире и согласии, о любви ко всем без исключения ближним (включая и извечных неприятелей его, дьяка Филимона Груздева и боярина Бодрова), о единении всех и вся вокруг триады «Бог, отечество и царь».

Заметим, что царь непривычно отодвинут на третье место. Не он здесь главный. Царь Горох — это всего лишь сказочный персонаж. Пусть живой и колоритный (по признанию автора, в Горохе есть много от самого фантаста, так что это своего рода дружеский автошарж), но являющийся частичкой большого лукошкинского целого. Изюминкой романа «Жениться и обезвредить» стало увлечение государя-батюшки модной нынче японской культурой с ее неизменными атрибутами: чайной церемонией, поеданием суши и распитием саке, кодексом чести самураев, икебаной и бонсай. Лукошкино становится как бы зеркальной копией нашего собственного

мира. Копией, где все уродства и недостатки приобретают гротескный характер, но, к счастью, и излечиваются также гораздо быстрее, чем у нас. Повторимся, что царь не главное, а последнее звено в триаде.

А вот Бог, православная вера – тот столп, на котором стоит здание романа Беянина. Усиление религиозных мотивов вообще характерно для творчества писателя-фантаста последних пяти лет. С особенной силой богоскательские настроения выплеснулись в его диологии о казаке на том свете. Но если тамavorочена такая бездна всего и вся, что в ней сложно разобраться без подготовки, то в финальной книге «Тайного сыска» все прозрачно и традиционно. Даже слишком. Беянинское православие исконное, народное, кондово-лапотное и сермяжное. С одной стороны, перед нами пьяный вдрызг поп, не вяжущий лыка, а с другой — мощная вера в исключительную действенность старой доброй молитвы: «Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его». Простодушное ожидание чуда Господня, надежда на то, что Творец по милости великой не оставит люди своя. И Чудо, естественно, происходит. Едва тем же священником (нетрезвым не по нерадению, а злыми кознями врага человеческого) свершается таинство брака, как все становится на свои места и привычный миропорядок восстанавливается. Как всегда у Беянина. Зло может временно отвоевать позиции у Добра, но вот побе-

дить ему не дано. Ни за что и ни при каких условиях.

Расставаться с любимым героем всегда нелегко. Хотя кто говорит о прощании навеки? Ведь, в конце концов, Никита Ивашов не умер и не вернулся назад, в современную Москву. Значит, не исключено, что как-нибудь когда-нибудь он снова может погрозить окаянному петуху и произнести свою коронную фразу: «Опергруппа на выезд». И еще одно. В самом начале мы упомянули о том, что герой Белянина появился на свет в трудную и невеселую для отечества годину, чтоб оружием смеха сразиться с мрачными и невеселыми настроениями, царившими в обществе. Символично, что прощальная книга о Никите Ивашове выходит в свет в точно такую же суровую пору, когда весь мир трясет лихорадка экономического кризиса. Может быть, добрый смех и вера в милосердие Господне снова помогут нам преодолеть лихое время, плюнув на Лихо Одноглазое и отправив его восвояси? Очень надеемся на это.

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ. Фантастический роман . . .	5
<i>Игорь Черный</i> . Буйство глаз и половодье чувств, или Прощание с героем.	338